

Роман
Сенчин
Остановка

Неслучившиеся истории

Лауреат премий
БОЛЬШАЯ КНИГА
ЯСНАЯ ПОЛЯНА

Роман Сенчин
Остановка.
Неслучившиеся истории
Серия «Новая русская классика»

<https://litres.ru/68841456>

*Остановка. Неслучившиеся истории:
ISBN 978-5-17-153308-3*

Аннотация

<p>Новые рассказы Романа Сенчина в сборнике «Остановка» написаны до 24 февраля 2022 года, но сейчас звучат особенно пронзительно. Герои – обычные люди с их надеждами, желаниями, нерешительностью, покорностью судьбе и обстоятельствам. Но в каждом рассказе возникает поворот, некая остановка, когда человек должен сделать выбор, решительный шаг, сказать «нет» или «да». Поступиться чем-то ради будущего, идеалов, наконец, добра. Отряхнуться от бытового морока и увидеть вещи как они есть. Произойдет ли это?</p>

Содержание

Золотые долины	5
1	5
2	20
3	32
4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Роман Валерьевич Сенчин

Остановка.

Неслучившиеся истории

© Сенчин Р.В.

© ООО «Издательство АСТ»

Золотые долины

Повесть

1

Илья Погудин приехал домой двадцать пятого июня. Родители отложили разговор на вечер. Или на завтра. Отпустили погулять с Вале́й.

Гулянье получалось невеселым.

После объятий и поцелуев, до сих пор неумелых – тычки губами в губы и щеки, – побрели по тротуару с присыпанными щебёнкой ямками. Ямок было много, щебёнка хрустела под ногами.

Молчали. Валя всё заглядывала Илье в глаза, то ли ожидая, когда он заговорит, то ли ища в его глазах разрешения задать важные, необходимые вопросы.

– Опять две четверки, – в конце концов сказал Илья.

Отвернулся – не хотелось видеть, как Ва́лино лицо перекосит боль; она сунет кулак в рот, чтобы не закричать. Так страдали девушки в старых черно-белых фильмах, а теперь вот только Валя... Может, еще по разным укромным углам страны остались такие. Немного...

– Не надо, – продолжая глядеть в сторону, попросил Илья.

– Перестань.

– И что теперь? Как вы?..

– Ну, так же, как прошлое лето. Или... Решать будем, в общем.

Он обернулся к ней и с удивлением заметил, что лицо спокойно. По крайней мере, нет на нем страдания. Зимой, прошлым летом было...

Поднял глаза на волосы, цвет которых, наверное, называется русым. Илье нравился цвет Валиных волос, то, как она завязывает их узлом на затылке, прямой пробор, по которому хочется осторожно водить пальцем... Да она вся ему нравилась, хотя он даже про себя, мысленно не произносил этого слова, тем более «люблю». Просто с пятнадцати лет знал – ему будто кто-то сказал, – что Валя его девушка и они всю жизнь будут вместе.

Сначала защищал ее, на два года младше, от насмешек пацанов и девчонок, потом стал провожать домой со школы, искать с ней встречи, поджидать неподалеку от ее дома.

Валя была простая. О ней так и говорили, с презрением и иногда сочувствием, – «простая». Училась все время неважно, вела себя тихо, как-то как прибитая. Не увлекалась разными модами, не просила у родителей купить наряды и телефон без кнопок. Никто не слышал от нее щебета, громкого смеха; Валя с увлечением – нет, самозабвенно, что ли, – выполняла монотонную, однообразную работу: часами сидела на корточках над грядками, вырывая сорняки, вышивала

мелкие-мелкие узоры на тряпочках, рисовала что-то в тетрадах, с готовностью вызывалась покрасить, помыть посуду, подмести пол...

Кое-как закончив девятый класс, осталась здесь, в родном поселке. На вопросы соседей ее родители отвечали: «Ну а куда ей? Заклюют в городе, в этих колледжах. Простая слишком. Да и сама не хочет».

У Вали были двое братьев и сестра. Все старше, и все более или менее устроились. А Валя... Таких «поскребыш», кажется, называют. Илья ненавидел это слово, но и чувствовал его справедливость. И тем сильнее хотелось обнять ее, спрятать в своих руках...

– Пойдем, – сказал он, и Валя послушно отозвалась:

– Пойдем.

Пошли дальше по центральной улице. Улице Комсомольской. Было тихо, людей почти не встречалось. В основном по домам или в огородах, за оградами. Снаружи нечего делать. Сгонял в магазин, если деньги есть, и обратно.

Илье было уютно в их поселке с неблагозвучным, а для посторонних и диковатым названием Кобальтогорск. Но чувство уюта смешивалось с грустью, в первые же часы начинала сосать тоска, и Илья признавался себе, что если бы теперь жил здесь не по два месяца в год, а постоянно, то тоска, сверлящая, как зубная боль, извела бы, сгноила. Теперь понимал, почему ребята, уезжавшие на учебу, не возвращались, а если и навещали родных, то коротко, и на лицах их держалась

печальная полуулыбка, словно у человека, вспомнившего на поминках что-то хорошее, связанное с покойным...

Давно, еще до его рождения, Кобальтогорск был цветущим оазисом цивилизации посреди гор и тайги... В пятидесятые годы прошлого века неподалеку от того места, где позже вырос поселок, нашли залежи кобальта, никеля, меди и решили построить комбинат. Для полутора тысяч рабочих рубили в котловине меж двух хребтов дома, затем стали возводить кирпичные и бетонные.

Кобальтогорск сразу стал поселком городского типа, минуя низшие статусы «деревня», «село», «рабочий поселок», – строили капитально, с размахом. Центральное отопление не только в четырехэтажных домах и учреждениях, но в одноэтажках на две семьи. Их гордо называли коттеджами. Дворец культуры не уступает филармонии в областном центре, столовая как ресторан, разве что без официанток. Здания городской и заводской администраций – настоящие дворцы, повсюду на стенах мозаичные панно: рабочие-богатыри, девушки-физкультурницы, солдаты с добрыми глазами, улыбающиеся шахтеры, летящие балерины, Ленин, гордо глядящий на комбинат «Горкобальт»...

Комбинат вот он – на склоне горы Трудовой. Сереют бетонные остовы корпусов, часть шиферной обшивки ленточного транспортера обвалилась, оставшаяся торчит, напоминающая кость оторванной руки...

Илья не застал комбинат работающим – родился через

пять лет после закрытия. Не видел, как по утрам по поселку медленно ездили служебные автобусы, собирая мужчин и женщин, как возвращались вечером люди со смены, как награждали на площади перед заводоуправлением передовиков труда, передавали от одной бригады к другой красное знамя. Но с детства он тоже, как каждый кобальтогорец, сознавал себя сыном комбината, жил им. Даже умершим.

Его водили в садик, большой, просторный, с огромными окнами, бассейном, построенный, как часто вспоминали взрослые, «по ленинградскому проекту». Потом – в школу, тоже просторную, со светлыми классами, широкими коридорами... Школа была построена «по московскому проекту». Его окружали хоть и медленно ветшавшие, но красивые, величественные здания, он ходил по прямым, ровным, совсем не деревенским улицам... Всё это создали для людей, работавших на комбинате, возвели благодаря комбинату.

Как себя помнил, он слышал бодрое: «Вот запустят снова комбинат!..» Потом печальное: «Вот когда был комбинат...» И ему передавалась уверенность, что, если этот скелет на склоне горы снова наполнят мясом оборудования, та неведомая ему счастливая жизнь вернется.

Илья знал из разговоров родителей и соседей: комбинат погибал долго, медленно. Если бы быстро, было бы легче: закрыли, объявили людям, что навсегда и делать им здесь больше нечего. И они нашли бы куда переселиться, где работать. Но большинство ждало, что вот-вот «запустят», вот-

вот снова позовут в цеха и шахты.

Комбинат прекратил производство в самом начале девяносто третьего года. Словно подтвердилось на деле наступление нового времени, в которое жители поселка в пяти тысячах километров от Москвы и в ста от ближайшего города упорно не хотели верить. Телевизор показывал, радио твердило: там закрыли, там остановили, там бросили, – а у них тут почти по-прежнему. Даже снабжение не особо скудело.

Но вот пронеслось как слух – комбинат встает на несколько недель. Слух подтвердился, комбинат встал... Эти недели никак не кончались. Потом новость: вывозят пачуки, разбирают печи! Мужчины бросились к цехам, скрутили, как они считали, воров. Оказалось, не воры, выполняют приказ начальства. Не комбинатовского, а выше.

Какое-то время рабочие – уже по большей части отправленные в бессрочные отпуска – боролись за свой «Горкобальт». Устроили патрулирование, не доверяя оставшимся в штате сторожам, охраняли сами.

Усмирять непослушных приезжали то менты, то бандиты, появлялись экономисты и экологи, разъясняли, что комбинат изначально был убыточным, продукция – неконкурентоспособной, что производство их концентрата оказывает губительное воздействие на окружающую природу, что жить в Кобальтогорске нельзя – повсюду мышьяк, радиация, цианистый натрий, – нужно срочно уезжать, увозить детей...

Многие в конце концов не выдержали и уехали. Не из-за

экологии – существовать было не на что. За один девяносто четвертый число жителей, как слышал и крепко запомнил Илья, сократилось почти наполовину: с шести тысяч до трех с половиной.

Родители Ильи, тогда еще совсем молодые, не уехали из-за своих родителей. Те были здесь старожилами, романтиками шестидесятых... Сейчас жива осталась только бабушка, папина мама. Бабе Оле семьдесят пять, и до сих пор она верит, что комбинат возродится, пишет письма в разные инстанции, гордо носит на груди ромбик советского инженера и медальку «Победитель соцсоревнования» 1976 года...

Комбинат растащили до последней железки. Даже бетонные стены покروшили, выдалбливая арматуру. Говорят, днем и ночью стоял грохот, визг болгарок, ревели КамАЗы, скрежетали краны, экскаваторы... Участвовали и местные, бывшие рабочие, мастера, технологи. Плакали и крушили родной комбинат. А что было делать?.. Бросали в кузова грузовиков и пикапов всё железное – от шарниров и мотков проволоки до дозиметров и контейнеров с цезием – и везли в город, чтоб сдать в лом.

Илья родился в девяносто девятом, когда заканчивали разорять комбинат, а осознавать земляков и Кобальтогорск начал такими, какими они оставались и сейчас: сельские жители на остатках чего-то грандиозного. Также, наверное, выглядели последние древние римляне, выращивающие капусту и пасущие коз возле руин Капитолия.

...Вышли на центральную площадь – Октябрьскую, непомерно большую, предназначавшуюся когда-то для многотысячных демонстраций и парадов. Теперь же бетонная плитка покрошилась, из швов и трещин лезли трава, кусты, ростки черемухи, березок. Их вырывали – жители пытались сохранить порядок, – но безуспешно: рано или поздно площадь превратится в пустырь, а потом и в лесок...

Над площадью возвышается памятник Ленину. Тоже бетонный, с облезшей местами побелкой, но сама фигура мифического для Ильи и Вали вождя до сих пор поднимала настроение. Руки в карманах, ноги широко расставлены, на лице удовлетворение, какое бывает у людей, завершивших трудное дело.

За памятником здание бывшего райкома, а теперь администрации Кобальтогорска. Трехэтажное, широченное, с высоким загнутым вверх козырьком, который поддерживают четыре колонны. Правда, в холодное время года используется всего несколько кабинетов – те, где установлены печи.

Уютный и образцовый Кобальтогорск гибнул постепенно, «в несколько очередей», как грустно шутили старшие, которых молодежь в шутку с примесью презрения называла «пожилками»... Первая очередь – когда остановился комбинат, вторая – когда комбинат растащили до такого состояния, что легче стало возвести новый, чем восстанавливать этот. Третья очередь – когда из поселка городского типа его разжаловали в село.

А четыре года назад, зимой, случилась авария на ТЭЦ – «смертельный удар».

Илья часто вспоминал ту аварию и ежился от ужаса. Просил кого-то – Бога, высшие силы, – чтобы пережитое ими тогда осталось самым страшным событием.

В мае на ТЭЦ – мощной, построенной когда-то для комбината и будущего города – прекратили подачу электричества из-за долгов. Остановился подвоз угля. Закрутился на малых оборотах процесс ликвидации «Кобальтогорсктепла», не имеющего средств на погашение долгов... Судебные разбирательства, подписки о невыезде разных начальников и бизнесменов...

В принципе, ТЭЦ могла бы обеспечивать себя электричеством сама – она была оборудована турбиной. Но турбина давно рассыпалась от старости, а запасную разграбили, «разгрызли».

Люди, давно привыкшие к разным неудобствам, терпеливо ждали. В больнице, столовых воду грели на плитах; вместо ванны мылись у обладающих банями знакомых...

Электричество дали только перед самыми морозами – в октябре. Началась судорожная подготовка ТЭЦ к отопительному сезону. Из пяти котлов давно использовали два – один был основным, другой резервным, остальные безнадежно сломаны.

Почти сразу после пуска накрылся основной котел, а перед самым Новым годом случился пожар на «мельнице» –

там, где крошат уголь, – погубивший и резервный.

Жителей призвали не паниковать, запретили сливать воду из батарей. А мороз давил за сорок... Через семь часов, когда удалось запустить основной котел, трубы теплотрассы стали взрываться, и в небо красиво и страшно взлетали плотные, ослепительно белые струи кипятка. Поселок посыпало рукотворным снегом.

Когда батареи стали холодными, люди, конечно, включили обогреватели, электроплиты. Не выдержала подстанция.

Тьма с редкими огоньками фонариков и свечей, столбы пара, словно в какой-нибудь долине гейзеров, и тяжкий мороз, от которого больно глазам... Но в тот момент Илье не было страшно. Понимал, что и он сам, и родные, да и все три тысячи жителей их поселка в смертельной опасности. Но чувство какого-то восторга все равно было сильнее...

Дизельное отопление и печи имелись в считанных домах. Туда и в редкие бани сразу набилось людей под завязку. Стояли плотно, один к другому, трудно вгоняли в грудь выдыханный воздух...

У Погудиных была маленькая железная печка в гараже. В морозы, если возникала нужда куда-нибудь ехать, папа подтапливал ее, оживлял теплом старенькую «шестерку». Сейчас печка стала спасением.

– Давай кочегарь, – велел папа Илье, а сам побежал за бабой Олей, которая жила в четырехэтажке...

Собрались, уселись полукругом. Молчали, слушали вой

сирен на улице, какие-то хлопки, треск, скрежет... Бока печки были бордовыми, но она не могла прогреть гараж-сараянку: лицу было жарко, а спину щипал мертвыми пальцами холод... Илья косился на бабушку, та смотрела на печку сурово и твердо. Казалось, может так твердо смотреть до конца, пока не застынет. Да и потом этот взгляд наверняка сохранится.

Сестра Ильи, Настя, которой тогда было одиннадцать, сидела на коленях мамы, гладила ее голову в толстом платке, а мама тихо, чтоб не пугать папу и детей и не сердить бабу Олю, плакала...

Дрова – да и не дрова никакие, а обломки гнилых деревяшек, сучья – кончились почти сразу. Разбив старый ящик, покروшив выдернутые из забора доски, Илья с папой поехали к ТЭЦ за углем.

По дороге заскочили к Вале. В их коттедже никого не было.

– Ушли к кому-нибудь, – задыхаясь на морозе, попытался успокоить папа. – Вон там, наверно. – И кивнул на поднимающийся в черноте сероватый столб дыма у соседей.

– Наверно, – кивнул Илья.

– Садись, бензин жжем.

До ТЭЦ было километра два. Вдоль дороги на сваях-подставках лежала теплотрасса. Она всегда казалась лишней, уродующей пейзаж лохмотьями изоляции, ржавью сетки, а теперь стала такой родной, и так больно было смотреть на

струйки пара в трещинах трубы, словно живое существо заболело. «Не умирай, не умирай», – мысленно просил Илья...

Жителей Кобальтогорска развезли по ближайшим деревням, стариков и детей – в город. Но уехали далеко не все – боялись бросать дома.

Операция по спасению поселка стала делом чуть ли не всей страны. Премьер-министр по телевизору грозно требовал: «Делайте что хотите – выставляйте караулы из чиновников, буржуйки используйте, пока котлы не работают. Люди мерзнуть не должны!»

Печки, теплое белье доставляли сначала самолетами из соседних областей до города, а потом вертолетами до Кобальтогорска; везли трубы, гнали технику. Сосны, которые местные берегли и любили, бригады крепких мужиков в одинаковых пуховиках с нашивками МЧС валили, шинковали, кололи на полешки...

Заодно искали виновных. Ими сначала хотели сделать главу администрации и его заместителей. Но ТЭЦ была областного подчинения, а приказ не спускать воду из системы, говорят, исходил от главного в области человека. Хотя письменного приказа никто не видел...

Саму ТЭЦ наладили быстро, а трубы меняли всю весну, лето и осень. До конца так и не доделали – до сих пор часть подъездов в четырехэтажках без отопления, многие кабинеты в администрации и поликлинике. Даже не все старые батареи убрали, и иногда наталкиваешься взглядом на них:

кривые дыры в чугуне, трещины. Словно какой-то псих с кувалдой прошелся.

После той аварии Кобальтогорск и стал по-настоящему селом, а не поселком городского типа. Во дворах широкие поленницы, в коттеджах и даже квартирах – буржуйки с торчащими из окон трубами. Много квартир вообще пустуют: люди или уехали вовсе, или перебрались в свободные дома на земле. Там понадежней.

Баба Оля в теплое время живет в квартире, а в морозы поселяется у сына, невестки и внуков. Квартиры ее подъезда по-прежнему без тепла...

С края площади доносятся звуки баяна и пение. Илья с Валеёй не удивляются – такое здесь почти каждый вечер. Дядь Юра.

Когда-то он занимал немаленькую должность на комбинате, а теперь состарился. Приходит на площадь, садится на ступеньки обклеенной рекламой микрозаймов Дворца культуры и начинает петь. Раньше, говорят, исполнял народные печальные песни, но на него ругались, и он переключился на другие, своей молодости. Поначалу собирались целые толпы, подпевали, кидали в коробку деньги. Потом прекратили – привыкли. Может, и не привыкли, а слишком больно слушать о том, что навсегда прошло.

Теперь рядом с дядь Юрой крутились ребята и собаки. Да и то не всегда.

Игорь и Валя подошли ближе, стали слышны слова:

...Встали в ряд века и годы,
Как солдаты в строй бойцов.
В нашей молодости гордой
Есть и молодость отцов.

Мастерский перебор по кнопкам, и голос дядь Юры делается крепче:

Хорошо свою весну нести
На распахнутых руках,
Солнце нашей вечной юности
Не померкнет в облаках!

А затем, после проигрыша, голос снова становится мягким:

Управляй своей судьбою —
Одолеешь путь любой.
И товарищи с тобою,
И любимая с тобой.

И опять перебор кнопок, и крепость, какая-то пугающая просветленность:

Хорошо свою весну нести
На распахнутых руках,
Солнце нашей вечной юности
Не померкнет в облаках!

Дядь Юра повторяет припев, дергает меха баяна и смолкает. И видно, как дрожит его подбородок, в морщинах под нижними веками поблескивает влага. Может, слезы, а может, пот.

Илья полез в задний карман штанов за мелочью.

– Оставь, – махнул рукой дядь Юра. – Лучше барышню угости мороженкой.

И заиграл что-то тихое, душевное... Илье стало так грустно-хорошо, что в горле сдавило, и он повел Валу прочь от старика, от мелодии, от пустоты огромной площади с лезущей из швов и щелей дикой тайгой...

2

– Да что ж это! – Папа еще раз тыркнул ключом зажигания, послушал сухие трески и дернул рычаг; капот приоткрылся.

Их «шестерке» в том году стукнуло тридцать пять лет – папа не забывал сообщать о юбилеях машины. Когда-то общался с гордостью и некоторым удивлением, что вот до сих пор ездит и даже больших ремонтов не требует, а теперь – с грустным вздохом... Конечно, пора новую, но на нее нужны деньги.

Для Ильи Филка с самого начала была членом семьи. Таковой же Погудиной, как родители, сестра, он сам. Маленьким он рвался на водительское сиденье, пытался руль крутить. Дед, папин отец, часто сажал Илью на колени, и они немного проезжали по улице. «Ты потом неделю счастливым был», – вспоминала мама.

Филка – имя машины. Наверное, от фиолетового цвета. Сначала называли, скорей всего, Фиалка, а потом сократилось до Филки... Илья всегда знал их «шестерку» как Филку. «Пойду Филку прогрею», – говорил папа. «Филку надо помыть», – замечала мама. «Я в Филке полежу», – сообщала сестра, когда ей хотелось побыть одной...

Историю покупки Филки Илья слышал от деда. А это была действительно история, предание. Вспоминал дед подробно,

неспешно, говорил нараспев и, хоть был совсем не старым, казался Илье в эти минуты древним, из какой-то другой эры.

«Машин тогда мало было... Ну, своих, частных. Не как сейчас – в каждом дворе... Тогда своя машина, легковушка, – это... Мечта, в общем. И вот я встал в очередь на комбинате. Денег с гулькин нос подкоплено, а встал. Машина-то нужна – хоть в город мотнуться, хоть в лес... Так просто нельзя было купить новую, только по очереди. Хотя везде жучки были, барыги эти, но я не стал... Хотелось по-честному и чтоб – с завода... Да и дороже там, на рынке. Тут-то цены тоже кусались как еще, но что ж... Ну, встал, потихоньку с получек откладываем, прикидываю, что по всем статьям года четыре ждать. Очередь-то приличная на комбинате, а машин привозят по десятку в год, не больше... И тут – бац! – чепэ в соседнем цеху: мужики напились и брак пустили. Чуть не вся смена. Выговоры им, конечно, лишение премий, а главное – вылетают они из очереди, кто стоял... И получилось, что я сразу резко вперед продвинулся. Не я один, ясно, но и я тоже... – Дед протяжно вздыхал в этом месте, будто подчеркивая, что он сочувствует вылетевшим мужикам. – Из очередей на квартиры не убирали, хоть каким раздолбам будь, а на машины – в два счета. Машина ведь роскошью считалась, баловством. Автолюбитель, как тогда говорили... Любитель – не любитель, а просто надо. Как без машины? Тем более у нас тут? По-хорошему, уазик бы каждому или «Ниву», чтоб по ягоды, по грибы, на охоту... Уазики вообще

в частные руки не продавали, а «Нивы» когда появились... «Нива» и стоила-то дешевле, но до нее никакая очередь не дойдет. Поэтому я на «Жигули» записался, на шестую модель. Она тогда самой лучшей была из доступных, красота невероятная... Ну и вот – чик, пык, и я уже рядышком. А денег – едва на половину. По родне пройти, по знакомым, насоберешь, конечно, но отдавать ведь придется. И как-то в город за чем-то поехал и встретил знакомого одного. Горюю, что вот, так и так – машина, считай, на подходе, а денег кот наплакал. И он говорит: «А ты кисти сдавай. Они хорошо идут, двадцать пять копеек штука в потребсоюзе, а если напрямую в благоустройство или строителям – до полтинника». – «Да какие кисти?» – говорю. «Ковыльные, для побелки».

Дед подробно рассказывал маленькому Илье про кисти. Теперь он знает их очень хорошо. Слишком хорошо...

«И вот с тыщи две мы на этих кистях заработали. Пришлось попластаться, конечно... Привезли машины. На платформе. Новенькие, блестящие. Поставили во дворе заводу-правления, и, когда идешь мимо, они прям дразнят, и гадаешь, какую тебе... Какая тебе достанется... Три “шестерки” тогда привезли. Сероватую такую, оранжевую и вот эту, нашу, фиолетовую. Я сероватую хотел... не сероватая она, цвет сафари, что ли, теперь называется... Но тогда-то не до капризов. Сафари начальству ушла, а я за нашу схватился. Оранжевых много было машин, через одну, полезный цвет,

хорошо видно его, но скучно. А фиолетовая – редкость была... Почти девять тыщ за нее выложил теми деньгами, советскими, дорогими! И не жалею... Не узик, конечно, но служит надежно, спасибо ей...»

Илья застал то время, когда дедушка был полновластным хозяином машины и папа спрашивал разрешения сесть за руль. Дедушка сам ее ремонтировал, папа же стоял рядом вот так же, как сейчас Илья. Потом дедушку очень быстро скрутила болезнь, Филка перешла папе... Он следил за ней, замазывал сколы краски, берёг. Но все равно машина дряхлая, всё чаще отказывалась заводиться...

Покопавшись под капотом, папа велел:

– Попробуй!

Илья прыгнул, но осторожно, не грубо, на водительское место, повернул ключ.

Тр, тр, тр...

– Ладно, не надо.

Вылез из кабины, опять занял место рядом с папой, тоже глядел в нутро машины. Аккумулятор новенький, купленный весной, трамблер, стартер, карбюратор, свечи, бензонасос... Илья почувствовал – глядит с тупым таким бессилием, и стало стыдно за себя, словно виноват, что не научился к двадцати годам разбираться в технике.

В детстве мечтал водить машину, изучить все детали; слово «моторист» звучало как «волшебник». А когда подошел возраст, подходящий для воплощения мечты, – как обруби-

ло. Стали интересны камни, почвы, и Илья увлекся геологией...

– Вчера ведь специально проверил, – бормотал папа, видимо, выбирая, с чего начать поиск поломки, – сразу схватила, с пол-оборота. Еще порадовался. А теперь...

Взял отвертку, полез к стартеру.

Накануне Илья вернулся поздно – до ночи сидели с Вале́й на веранде, где она спала летом, целовались, обнимались, а вернее, трогали, изучали друг друга, прислушиваясь, не проснулись ли в доме, не идут ли сюда. Эта настороженность мешала сделать главное, чего давно хотел Илья и, по всему судя, ждала Валя.

Но там, на веранде, он казался себе взрослым, опытным, умудренным, а теперь, как маленький, наблюдал за папой, не в силах помочь...

Разговора, которого с тревогой ждал Илья, не было ни вчера, ни утром. Собравшись на завтрак, папа просто сказал: «Говорят, жимолость пошла, земляника. Поедем на разведку». После завтрака мама стала собирать еду, вещи в дорогу, а Илья с папой пошли заводить Филку. И вот...

С каждой минутой этого ремонта на ощупь, с каждой неудачной попыткой завести мотор росло желание сказать: «Давай академ возьму». Одна эта фраза и вертелась на языке, готовая вот-вот сорваться, вылететь в мир. Илья морщился, чтобы не произнести, сжимал скулы – понимал: после нее произойдет что-то страшное.

Два года назад, сдав ЕГЭ в целом удачно, Илья разослал документы в три универа, везде на геологический факультет. Дальше оставалось ждать, а вернее, следить за списками абитуриентов по интернету, который у них в поселке хоть и был, но работал так медленно и ненадежно, что выматывал всю душу.

В начале списков были те, кто набрал больше баллов в школе, за ними – кто меньше. Илья был поначалу везде в числе первых, но постепенно перед ним возникали новые и новые фамилии. Как в биатлонном спринте – лидер под номером 5 чаще всего, по мере финиширования сильнейших под номерами, скажем, 20, 30, 35, отодвигается дальше и дальше от цветочной церемонии...

Родители переживали, но никак не могли разобраться в системе нынешнего поступления в вузы. «И что, вот так заочно принимают? И никаких собеседований? Мы думали, в ЕГЭ самое странное – эти тесты, а оказывается... А если во все три места сразу поступишь, что, в двух пустые места останутся?»

В итоге ни в одном Илья не попал в бюджетную квоту, хотя по баллам вроде бы проходил. Но важны были не только баллы, а довузовская подготовка, индивидуальные достижения абитуриента... Ему предложили учиться на платной основе.

Поначалу Погудины не очень расстроились – давно знали про образовательный кредит, изучили условия его получе-

ния. Довольно просто все выходило, и выплата долга щадящая – небольшими суммами после окончания вуза в течение пятнадцати лет. Но именно в том году программу «приостановили», как значилось в объяснении, «из-за корректировки». Когда выдачу возобновят, не сообщалось...

В одном университете отнеслись тепло, с сочувствием, пообещали, что, если Илья окончит семестр без четверок и сдаст все зачеты с первого раза, его переведут на бюджетное.

«Ну что, – помнится, сказал тогда папа, прочитав в компьютере письмо из приемной комиссии, – пятьдесят пять тысяч за полгода, думаю, осилим. Как, Марин? – обратился к маме, и она закивала. – И хорошо. Отправляйся. Мы в тебя верим».

Зимнюю сессию на первом курсе Илья окончил с одной четверкой и двумя пересдачами. Родители успокаивали – «ничего, ничего». Летнюю – тоже с одной четверкой, по химии, которую поставили явно незаслуженно. И Илья понял, что не быть ему отличником, не переведут его на бюджет. А кредит всё не возобновляли.

Если бы сумма оставалась все пять лет одной и той же, было бы, наверно, терпимо. Но перед вторым курсом цены подняли на пять тысяч за семестр, а теперь, после второго, сразу на десять. И где их взять, семьдесят тысяч, которые нужно привезти к первому сентября, чтобы до конца января иметь право учиться?... Допустим, за эти полгода они зарабатывают, есть возможность, а на следующие, которые он дол-

жен будет привезти в феврале? Зимой тут главное будет для родителей, Насти и бабушки – выжить. Отец в ноябре нанимается лес валить. Илья тоже устраивался на две недели во время зимних каникул. Адов труд...

Да и заработают ли сейчас?.. Еще десять минут назад была в этом уверенность, но вот Филка не подает признаков жизни, и – что? Может, вообще серьезное, мотор заклинило, не дай бог.

– Подчистил контакты, – выбрался папа из глубины сплетений механизмов и шлангов, положил надфиль на бортик, вытер руки тряпкой. – Попробуй, а я гляну...

Илья снова сел за руль. Выждал несколько секунд, глядя на фиолетовое, с красноватыми, как язвочки, точками пробивающейся сквозь краску ржавчины полотно капота. Промысленно: «Заведись... заведись». И повернул ключ зажигания вправо.

Тух-тух-тух – зафыркало.

Это уже не мертвые пощелкивания. Оживает!

– Погоди, – голос папы, – подтяну сильнее. – И через минуту: – Давай.

На этот раз Филка завелась, и звук мотора был мягкий, размеренный, надежный.

– Ну вот, – счастливое лицо папы, заглядывающее в кабину, – даже снимать стартер не пришлось... Выгоняй.

Он, конечно, замечает, что Илья не горит желанием водить машину, но при любой возможности сажает его за руль.

На будущее, наверно...

Захлопнулся капот, открылись ворота гаража, и Илья задним ходом выехал на улицу.

Да, Филка была в порядке, и сразу забылась безнадега, только что вяжущая душу. Вернулась бодрость и желание работать. Зарабатывать. И не хотелось думать, преступно было сейчас думать о том, что давным-давно выработавшая все свои ресурсы машина в любой момент может сломаться окончательно. Здесь, в гараже, может сломаться, на трассе в город, на таежном проселке...

Эти мелкие поломки как предупреждение. Так зуб дает знать, что необходимо побывать у стоматолога, – легкий дискомфорт, реагирование на горячее или сладкое, потом слабая боль, потом острая. Можно полоскать рот содой, чеснок к руке привязывать, класть на зуб ломтик сала. И добьешься того, что десна в конце концов вздуется и все равно побежишь в поликлинику, где зуб уже бесполезно будет лечить. Только рвать.

Так и с Филкой. Она подает сигналы: найдите мне замену, я устала, я вот-вот развалюсь. Но если Илья возьмет и предложит: «Давайте на заработанное купим старый внедорожник. Какая-нибудь “Тойота” старенькая, она все равно крепче, чем наша. Сейчас за копейки можно», – то увидит в глазах родителей изумление и обиду. «Мы на твою учебу деньги зарабатываем! Филка нам помогает».

Ну да, ну да, так оно вроде и есть. Но она скоро кряк-

нет, и родители это знают, только вот неоткуда взять пятьдесят-семьдесят тысяч, чтобы купить машину надежней. Их вон, по телевизору показывают, тысячами, не разбирая, сплющивают и отправляют на переплавку или еще куда... Одну бы из них им отдали.

Илья усмехнулся этой своей детской мыслишке, вылез из машины, пошел в дом за вещами.

Сегодня отправлялись на разведку, но, если повезет, это будет «разведка боем». Собрали ведра, коробки, бидоны, кружки, пакет с едой, воды побольше, и не только для себя, но и для Филки. Она, как старуха, часто задыхалась на каменистых тягунах, подскакивала температура, и ее приходилось поить, вливая в радиатор литр-два воды.

Поехали папа, мама и Илья. Сестра Настя осталась следить за домом.

– К вечеру котлеты пожарь, там фарш остался. Не забывай у кур поилку проверять, – давала последние указания мама, устраиваясь на переднее пассажирское сиденье; Илья поместился, как и раньше, когда был маленьким, сзади.

– Да, не забуду, – вяло отвечала сестра.

Она стала какой-то блеклой за те месяцы, пока Илья ее не видел. Никогда не отличалась живостью, резвостью, не хохотала, любила играть одна, часто сидела в гараже в Филке, включив фонарик (зажигать подсветку в салоне ей не разрешали, чтобы не разряжался аккумулятор). Она походила на Валу и этим была еще дороже Илье, и в то же время... Ко-

гда ты такая в десять-двенадцать лет, это может даже умилять, но, если останешься тихой и простой навсегда – за тебя страшно. Как проживешь, как устроишься в этом мире?.. И с учебой в школе неважно, учителя говорят, что плохо запоминает, долго вникает, соображает, инициативы ноль – руки ни за что не поднимет.

Подобных Илья встречал всё больше. Где-то вычитал – они рождаются такими потому, что матери во времени беременности пили антибиотики, и что-то важное в плоде от этого меняется.

Но вряд ли дело в антибиотиках. Скорее всего, природа всегда создавала более или менее равными частями и активных, и спокойных, и простых, вот только в последнее время тихие, простые стали слишком выделяться: жизнь ускоряется, усложняется, всё спешит, бурлит, а они – растерянно замерли. Чтобы что-то сделать, чего-то добиться, необходимо активничать, тянуть руки, а они – жмутся, руки прячут... Они не для бурления созданы.

Вот в древности брали в воины не всех подряд юношей, а только тех, кто выделялся, имел к этому склонность, и учеными старались сделать не каждого; не все девушки становились торговками, горничными, а из знатных – светскими львицами... Кто-то землю пахал и находил в этом счастье, кувшины лепил, кто-то за пальцами сидел, белье стирал, еду готовил, книги читал в уединении... А теперь всех под одно, и если отличаешься – дебил, умственно отсталый...

Но, может, их Настя не от природы тихая. Скорее всего, видит, что незачем рвать удила. Вот брат, почти отличник в школе, увлекавшийся чтением, науками, теперь мучается со своей учебой и родителей мучает. И решила совсем спрятаться в себе...

3

Один раз Илья летал на вертолете. Слава богу, не из-за срочной госпитализации или еще какой беды. Повод был радостный, праздничный: отмечали, скорее всего, Девятое мая, а может, какая-то предвыборная кампания проходила... В общем, ребяташек сажали в вертолет и поднимали в воздух, на несколько минут зависали над поселком.

Именно тогда ему, примерно десятилетнему, и открылось, что такое родина. Конечно, он до этого понимал, что живет в России, а в России есть Сибирь, в Сибири их область, совсем небольшая на карте, а в их области – Кобальтогорск. Он отмечен только на подробных картах – самый мелкий кружочек, обозначающий населенные пункты с численностью менее десяти тысяч жителей. Таких кружочков в их области – два десятка, и в одном живет он, Илья Погудин.

Это было понятно, как и то, что где-то есть белые медведи, где-то стоэтажные дома, а где-то острова, на которых до сих пор живут люди каменного века. Илья знал до вертолета несколько улиц, площадь, тайгу, быструю речку Огнёвку, вернее, малые ее отрезки – река петляла, извивалась, – горы, поляны. Но все это он видел с высоты своего роста или из окон бабушкиной квартиры, а теперь смотрел сверху и далеко-далеко. И сказал: «Родина!» Сказал громко, четко, как говорят учителя, чтобы ученики запоминали надолго. Его не

услышали – вертолет стрекотал и завывал оглушительно, так что Илья и сам не услышал своего голоса. Не услышал ушами, а душой – да.

За мутноватым кругляшом иллюминатора была видна сотня зданий. Вот по краю четырехэтажки, вот двухэтажные бараки, обитые вагонкой и раскрашенные в разные цвета. Вот центр поселка с площадью, универмагом, зданием администрации, памятником Ленину. А вот их школа, ее салатовые стены. Стройные ряды коттеджей, в одном из которых – отсюда не разобрать в каком – живет их семья.

Вокруг тайга с сероватыми пятнами рудников. Комбинат. Черные овалы хвостохранилищ, к которым взрослые запрещают ходить строго-настрога. Лента речки. И глядя на нее отсюда, Илья понял, почему она называется Огнёвка – речка была не голубой, а оранжевой. Позже он узнает – это из-за того, что в воде много железа, никеля, меди. Не так много, чтобы удивляться этому, стоя на берегу, – ну слегка рыжеватая и камни в основном кирпичного цвета; с высоты же Огнёвка была действительно словно огненной и на перекатах вспыхивала настоящим пламенем. Удивляло другое – как люди, лет двести назад дававшие названия речкам, логам, горам, полянам в этих местах, могли знать, что сверху именно эта речка выглядит как поток огня?..

С западной стороны тайга вдали сменяется степью, с восточной взбирается на Ханский хребет. В поселке давно жара, а в логах и распадках хребта сохранился снег – белые

полосы похожи на корневую систему из учебника биологии. Внизу ниточки, а чем выше, тем толще. И на макушках гор лежат снежные шапки. Они сойдут в начале июля, а в середине августа появятся снова...

Илья никогда не был на море, но Ханский хребет напоминает ему волну цунами. Застывшую волну. Застывшую если не навсегда, то на многие тысячи лет.

Еще видит он из вертолета серую полосу асфальта. Это дорога в ближайший к ним город. Дед брал его туда несколько раз, да и на автобусе ездили. Большой, по сравнению с их Кобальтогорском, шумный – Илье не понравился.

А вот коричневатые тропки меж деревьями. Отсюда они тропки, на самом же деле – проселочные дороги на рудники и в глубь тайги. Сейчас по одному из этих проселков ползет Филка, на заднем сиденье которой двадцатилетний Илья.

Он, по сути, все такой же, каким был тогда, лет десять назад. Не чувствует себя взрослым. Перетек из школы в университет, пытается зарабатывать в выходные и после пар, а то и вместо, но удается нечасто. Предлагают раздавать листовки и флаеры в людных местах. От этого приходится отказываться. Во-первых, платят копейки, а времени на раздачу сотни штук уходит три-четыре часа – люди отшатываются от протянутых листочков, как от заразы, еще и наорут: «Чего суешь?!» Ну взяли бы и бросили в ближайшую урну... Во-вторых, чтобы раздавать, нужно ехать в центр города, а студгородок находится от него в двадцати километрах. Без

малога час туда на электричке или автобусе, час – обратно.

Построили студгородок в шестидесятые годы. Он до сих пор свежий, ухоженный. В центре корпуса университета, Дом ученых, а вокруг, среди лиственниц, – общежития. Вообще-то рай для учебы, занятия наукой. Никакой суеты, ничего вроде бы не отвлекает. Тишина, покой, благотворная сосредоточенность.

Но это только на первый взгляд – на самом деле в воздухе дрожит напряжение, ощутимо покалывает электричество. Большинство студентов и преподавателей постоянно думают, как бы им подработать. А если и не думают, то все равно этот груз – нехватка денег – гнетет ежесекундно. Слушаешь лекции, а внутри давит, давит, и чувствуешь, что то же самое давит и лектора. И струйка знаний, которая должна бы свободно литься от одного к другим, наталкивается на невидимую, но явно ощущаемую преграду. Она, струйка эта, конечно, находит выход, хотя становится уже не такой свободной, живой, теплой. Вливается в тебя уже как бы насильно. И задаешься вопросом: «Зачем мне такие знания? Мне нужны другие – как денег заработать».

Разум сопротивляется: «Нужны, нужны, пригодятся», а что-то сильнее разума – отпихивается.

Желания и смысла учиться нет никакого, но надо. Иначе родители, он чувствует это, потеряют цель в жизни. А цель у них – чтобы сын получил диплом о высшем образовании, а потом нашел надежную работу...

Колеи проселка глубокие, и, чтобы Филка не села на брюхо, папа едет меж ними. Наверное, весной, по распутице, прошли грузовики, разбили дорогу... В последнее время у них тут частенько появляются «Уралы», КамАЗы, забираются глубоко в тайгу. Одни говорят, что ссыпают разные токсичные отходы, другие – что, наоборот, вывозят или укрепляют могильники.

Думать об этом не хочется – Илья с детства слышит о том, что у них тут повсюду радиация, что в Огнёвке не водится рыба, а когда-то кишело, только успевай мушку бросать, что это преступление – не бежать отсюда, не увозить детей.

Да и не только слышит. То в одной семье, то в другой случается беда – коровы или телята отбиваются от стада, забредают к хвостохранилищам, то ли пьют оттуда ядовитую воду, то ли еще что, и на другой день у них начинается понос, и они умирают. Умирают медленно, мучительно, с жутким ревом и судорогами. Случается, пастухов бьют за недогляд. Вернее, одни бьют, а другие защищают – в пастухи идут неохотно, нужно уговаривать мужиков, постоянно повышать им плату.

– А, тут ведь новость, – повернулась мама, – Колька с армии вернулся!

– Да? – Илья сделал вид, что удивился. Вернее, удивился по-настоящему, но не сразу выпутался из мыслей; потом уж, через минуту, дошло. – И как он? Давно?

– Ну, недели две назад. Сначала гуляли так, аж на всю улицу радость, а тут встретила – кислый, морщится...

Колька Завьялов – Колян, Колямба, Завьялыч – был его одноклассником. Но это так, формально, а по-настоящему – больше чем другом. Вот многие парни очень быстро начинают называть друг друга братьями, потом так же быстро ссорятся и становятся врагами. Илья с Колькой братьями друга друга не называли, хотя вполне могли бы. И никакие ссоры их братства не разрушили бы.

Разрушала постепенно разлука. Росли вместе с детского сада, а после девятого класса Колька уехал в город, поступил в строительный колледж. Встречались с тех пор во время каникул да иногда в выходные, когда он, соскучившись, приезжал домой на субботу-воскресенье. Про город говорил неохотно, на вопросы об учебе отмахивался и морщился. Да, это была Колькина привычка – морщиться. Все лицо его мгновенно превращалось в скопище бороздок и складок, если спрашивали о чем-нибудь неприятном.

Потом Илья поступил в универ, встречи стали еще реже. После колледжа Колька с год прожил дома, а вернее, в основном в деревеньке Тальниковой, почти безлюдной, с трухлявыми засыпушками, которые когда-то были дачками кобальтогорцев. Большинство обладателей этих дачек уехали, остальные перестали за ними следить – в лучшем случае садили картошку, и Тальниковая почти слилась с тайгой – разве что деревца помельче да крапивы побольше.

В Тальниковой Колька прятался – очень не хотел идти в армию. В городе затеряться не получилось, жениться и наде-

лать детей – тоже, работы нормальной не нашел, пришлось жить в более-менее крепком, со стеклами и исправной печью домике.

Иногда навещался домой и однажды столкнулся с участковым, и после разговора с ним стал другим человеком. Точнее, переменял отношение к службе.

«Сейчас без военника никуда, – доказывал сначала родителям, а потом знакомым, да так убедительно, что все невольно кивали. – На работу не берут, везде военник требуют. Что, до двадцати семи бегать? Да и посадить могут – теперь с этим строго. А служба-то – всего год, и дедовщины теперь нет почти, и войн особых. Пойду. Что я, не пацан, что ли?»

Как раз был весенний призыв, участковый принес очередную повестку. Колька расписался, собрал сумку, попрощался с родней – отец у него хотя сам и врач, но больной совсем, мама какая-то давно уставшая, равнодушная – и сел в автобус.

Не удивились, узнав, что Кольку призвали хоть и в мотострелковые войска, но определили в строительный отряд: что ж, в соответствии с дипломом. Волновались, но Колька говорил по телефону бодро, присылал фотки – какую они красивую разряжалку для автоматов поклали из белого и красного кирпича, как выложили новый поребрик, отремонтировали курилку – беседка дворянская стала, а не курилка...

В последние месяца два Илье он звонить перестал, а у Ильи как раз началась подготовка к сессии, да и Колька далеко не всегда мог разговаривать... «Блин, надо было хоть эсэмэс посылать», – жалел сейчас, и в душе густел стыд, что бросил друга в самый, как говорят, трудный период службы – перед дембелем.

– Приедем, – сказал маме, – схожу. Год с лишним не виделись.

– Сходи-сходи. Узнаешь заодно, чего морщится.

Дорога стала ровнее, деревья расступились – машина въезжала в широкий распадок меж двух гор Ханского хребта, в одну из долин, которые у них тут называли Золотыми. Золотые долины.

Когда появилось такое название, никто, наверное, теперь не знал и не помнил. И почему именно Золотые – тоже. Может, когда-то в ручьях, текущих по дну долин, мыли золото, а может, из-за того, опять же, что камешки на их дне были в основном рыжеватого цвета. Сейчас же Золотыми долины считались из-за их щедрости на грибы и ягоды. Вдоль ручьев росли смородина и облепиха, чуть дальше – жимолость и голубика, на полянках – земляника, а в тени – под сосняком и листвяком – брусника, черника, маслята, грузди, рыжики, обабки. Безлесые склоны были богаты клубникой. Иногда так богаты, что машина, проезжая по такому склону, оставляла ярко-красные, словно бы кровавые полосы.

Сейчас, в конце июня, ручей стал узеньким, смирным, но

отшлифованные валуны по его краям, наносы сучьев, а то и огромные стволы с содранной корой показывали, что во время таяния снега на вершинах ручей становился могучим и свирепым.

Таких долин здесь было с десяток, но не во все можно проехать на машине, тем более на их старенькой, с низкой посадкой Филке.

Папа постарался забраться как можно выше, но вот раз, потом другой днище шоркнуло о камни. Мама забеспокоилась:

– Хватит, наверно? Пешком пройдем.

И папа послушно съехал с проселка на первый же пяточок. Заглушил мотор...

Илья не очень ловко выбрался наружу – в последнее время ездил хоть и редко, но всё на иномарках или на наших, но сделанных под иномарки. После них жигуль казался тесным, неудобным... Выпрямился, потянулся, огляделся. В такие минуты чувствовал очень сильное волнение от ожидания необыкновенного, радостного, того, что изменит жизнь семьи. Вот сейчас ступит в тайгу и обнаружит сумку с деньгами – толстые пачки, стянутые бумажными полосками, как в фильмах, или спустится к ручью, а там лежит золотой самородок килограммов на десять... Посмеивался над этими своими мыслями, но подолгу просиживал в интернете и за книгами, стоял у витрин в геологическом музее, чтоб запомнить, как выглядит самородное золото, серебро, платина и

не пропустить, если что.

– Ну, глянем, как оно, – приподнято выдохнул папа; шагнул, нагнулся, сорвал с земли длинный лист на красноватом снизу стебле. Пожевал. – А черемша-то еще ничего, хоть и зацветает. Мы вчера забыли сказать – на три с лишним тысячи ее продали.

– В городе? – уточнил Илья.

– Конечно. Тут-то кто купит...

– И за сколько раз?

– Четыре.

Илья подсчитал в уме, сколько одного бензина затратили на эти поездки сто километров туда, сто обратно – не очень-то много и остаться должно от этих трех с лишним... Мама, будто угадав его мысли, скороговоркой уточнила:

– Мы не только с черемшой ездили! Редиску возили, батун, заготовки. Маслята маринованные очень хорошо идут. И банками, и на развес.

– Так что не в накладе, – подытожил папа.

4

Жимолость еще не дозрела, а земляника, растущая в стороне от ручья, на пригреваемых солнцем полянках и проплешинах, оказалась спелой и рясной.

Но не бросились ее хватать, походили, оценили количество, посоветовались.

– Как считаете, наберем? – с надеждой, но какой-то неопределенной, спросила мама.

– Если упрямся – считаю, ведра два сможем. – Папа говорил вроде по-прежнему бодро, хотя не так уже искренне. – Черемши подрежем.

Мама кивнула:

– Редиски еще осталось пучков на десять... Будет с чем ехать.

– Значит – берем... – В этой фразе папы не слышалось утверждения или вопроса.

Оба глянули на Илью, и ему снова захотелось сказать, что надо заканчивать с этими мучительными поисками денег, с его унижительной платной учебой. Вернется сюда, будет работать по хозяйству. Или еще что... Но сказал другое:

– Берем.

Вернулись к машине, попили воды, разобрали ковшики, разошлись по полянкам. Начали.

Ягодок было много, и каждый раз – а в сборе земляни-

ки Илья участвовал с детства – казалось, что набрать ковшик дело десяти минут. Но ягодки маленькие, меньше горошины. Дно ковшика все никак не скрывалось, а уже стало давить в спине, большой и указательный пальцы костене-ли от однообразных движений. Появились слепни, кружили над головой с жужжанием: одни, крупные, – с угрожающим, а мелкие, цветастые, которых мама называла «мухи цеце», – как бы извиняясь. Левой рукой отгоняешь их, а правой теребишь-теребишь-теребишь кустики. Иногда попадается круп-ненькая – раза в полтора больше обыкновенной, – не круг-лая, а продолговатая. Радуетесь ей, как дорогому подарку; медленно, на корточках, двигаетесь дальше, теребя кусти-ки, ожидаешь, что там, дальше, таких продолговатых, будет через одну...

Встаешь, встряхиваешься, подпрыгиваешь, чтоб разо-гнать кровь в затекших ногах, ловишь слепня, казнишь его, снова присаживаешься, правой рукой теребишь, сыпаешь, левой помахиваешь над головой, шлепаешь себя по спине, шее, заду...

Азарт сменяется отчаянием, усталость – приливом энер-гии. Ягодки видеть перестаешь, зато лезут в глаза лепестки ромашек, шишки, листья, мельтешащие по листьям и былин-кам муравьи. Потом, наоборот, видишь лишь красные шари-ки, утыканые крошечными орешками, потом красные ис-чезают, остаются зеленые. И удивляешься, как тут вообще можно хоть что-то собрать.

Промаргиваешься, смотришь на деревья, на небо, высокое, голубое, теплое. Ловишь слепня и долго рассматриваешь его голову с огромными глазами, напоминающими очки летчика, двумя иглами, похожими на крошечные бивни, вытягиваешь хоботок, который превращается в миниатюрную цепь пилы. Поражаешься сложности такого отвратительного существа, расплющиваешь ему голову пальцами и бросаешь в траву...

В общем, всячески отвлекаешься от ягоды и затем снова возвращаешь взгляд на полянку. Теперь она утыкана красными шариками. Сдергиваешь клешнёй из большого и указательного пальцев. Когда в ложбинке ладони набирается их пять-семь-десять, ссыпашь, не глядя, в ковшик.

В ковшик лучше каждый раз не заглядывать – так он заметнее заполняется. Раз пятнадцать ссыпал и посмотрел – в ковшике прибавилось. Еще раз пятнадцать – еще прибавилось. А если каждый раз, то как минутная стрелка на часах: когда следишь за ней не отрываясь, она остается на месте, а глаза начинают болеть.

Но вот ковшик полон. Почти. Надо подсыпать еще. И еще. Все кажется, что, если придешь с таким, родители могут подумать: недобрал. Они наверняка не подумают, наоборот, чем меньше в ковшике, тем не так сильно нижняя ягода давится... Да, не подумают, но кажется. И подсыпашь еще пяток, потом еще. И когда появляется горка, поднимаешься, привыкаешь к равновесию после корточек и осторожно

несешь его к машине...

Родители были уже там.

– О, сколько у тебя! – похвалила мама. – А мы не выдержали, решили передохнуть.

Вряд ли набрали меньше, просто подбадривает.

По дну багажника были расставлены плоские пластмассовые контейнеры. Ссыпал землянику в один из них – нос защекотало от густого аромата ягоды, – вытер сок в ковшике сухой тряпкой. Сел рядом с родителями. Глотнул успевшей согреться воды из бутылки... Да, день жаркий. Отсюда небо было видно шире – нигде ни облачка. А в голове мелькнула то ли детская, то ли подлая мыслишка: вот бы налетело, завалило тучами, дождь. Сбор бы пришлось свернуть. И никто не виноват – природа.

– Ну что, – папа посмотрел на часы в мобильнике, – за неполный час по ковшику. В ковшике два литра. Итого – шесть. Еще заход, и будет ведро. Сколько стаканов входит в ведро?

– Смотря что в стакане, – отозвалась мама; ей явно не хотелось сейчас заниматься подсчетами. Папа этого не уловил:

– Земляники, понятно...

– Примерно тридцать. Если твердая – больше.

– М! Это, получается, шестьдесят. Шестьдесят хотя бы по сто – шесть тысяч рублей загрести можем!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.